

МУРЗИЛКА

№ 1

Журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ
1959

Государственный
Музей
И. В. Сталина
Ленинград

П-60-2476

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

ЛИШЬ ТОГО, КТО ЛЮБИТ ТРУД...

Л. ВОРОНКОВА

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Таня пришла из школы, сделала уроки.

«А теперь буду трудиться, — подумала она, — а то как же мне в октябрятах быть? Учительница говорила, что салфеточку из бумаги надо вырезать и мешочек для маминого рукоделия сшить».

Но только Таня убрала свои тетради, бабушка сказала ей:

— Подмети горницу, Таня, а я пока за водой схожу. Изба у нас не убрана. Мать на молотилке с утра, дед на конюшне, а я в риге была, лён сушила.

Таня взяла веник, намочила его. Подмела пол чисто, аккуратно.

«Вот и всё. А теперь буду трудиться!»

Но пол-то подмела, а дорожки на крыльце лежат не вытрясенные. Таня вытрясла дорожки, расстелила их на полу.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРЗИЛКИ

Геннадий МАМЛИН

Рис. Е. МИГУНОВА

Острой иголкой,
Совсем не со зла,
Ёжик проткнул
Надувного козла.

Доктор руками
Развёл виновато:
— Тут не помогут
Ни бинт и ни вата...

— Верно! —
Раздался
Голос Мурзилки. —

Спрячьте микстуры,
Спрячьте носилки!

Если больной
Надувной от рождения,
Нужен особенный
Способ лечения.

Врач удивлён,
И больной удивлён:
«Где же Мурзилка?»
— Мурзилка?!
А он...

«Теперь всё, теперь и потрудиться можно!»

Но тут пришла бабушка с водой. Она поставила тяжёлые вёдра на лавку и сказала:

— Танюшка, там куры всей стаей на меня набросились. Покорми их, пожалуйста!

Таня взяла большую миску, намяла в неё варёной картошки, посыпала картошку отрубями, заправила тёплой водой да ещё хлебных корочек добавила. Славный корм получился!

А потом подхватила миску, вышла во двор, созвала кур. И пока они клевали, стояла около них. Задиристых отгоняла, потому что они другим клевать не дают. А слабых и робких в сторонке из рук подкармливала, потому что им совсем мало достаётся корму.

Зимний день короткий. Не успела Таня и оглянуться, как на улице уже засинело и в избах зажглись огни. А там пришли с работы мама и дедушка. Бабушка поставила самовар, а Таня собрала на стол чашки и сахарницу, достала хлеб. А когда напились чаю, Таня вымыла посуду и убрала со стола.

Потом мама сказала ей:

— Я посижу поработаю — дедушке ру-

Ну кто бы,
Ну кто бы
Подумал, ребята,
Что в этой хлопушке
Мурзилка запрятан!

(Он кстати у нас
Появился сегодня,
Весёлый Мурзилка —
Сюрприз новогодний.)

Вы видите сами:
Мурзилка не птица.
Жираф помогает
Мурзилке спуститься.

Шофер
(не в пример
Остальным бегемотам)
В дорогу готов —
Подъезжает к воротам.

Терять нам нельзя
Ни минуты.
Скорей
Туда, где резиновых
Лечат зверей!

баху дошью. А ты мне, Танюша, почитай что-нибудь. Я послушаю, как ты читаешь.

Таня взяла «Родную речь» и стала читать вслух. Мама слушала, и бабушка слушала. А дедушка прилёг на кровать, тоже хотел послушать, да и заснул нечаянно. Уж очень он устал на работе!

Тогда мама сказала:

— Давайте-ка ужинать да спать. Завтра всем вставать рано.

— Вот и ещё день прошёл, — отозвалась бабушка, зевнула и стала собирать ужин.

Утром Таня явилась в школу невесёлая. Как только учительница вошла в класс, Таня подбежала к ней и протянула свою октябрятскую звёздочку.

— Почему же ты мне отдаёшь свою звёздочку? — удивилась учительница.

— А потому что... Лишь того, кто любит труд, октябрятами зовут, — хмуро ответила Таня, — а я не тружусь ничего. Всё не успеваю.

— Давай разберёмся, — сказала учительница. — Все ребята садитесь по местам. А ты, Таня, останься около меня. И давайте все вместе подумаем, как помочь Таниному горю — ведь октябрята всегда должны помогать друг другу!

Все ребята сели за парты. А Таня стоя-

ла среди класса, опустив голову, и не глядела ни на кого.

— Ну, так расскажи, Танюша, что же ты делаешь дома, если совсем не успеваешь потрудиться?

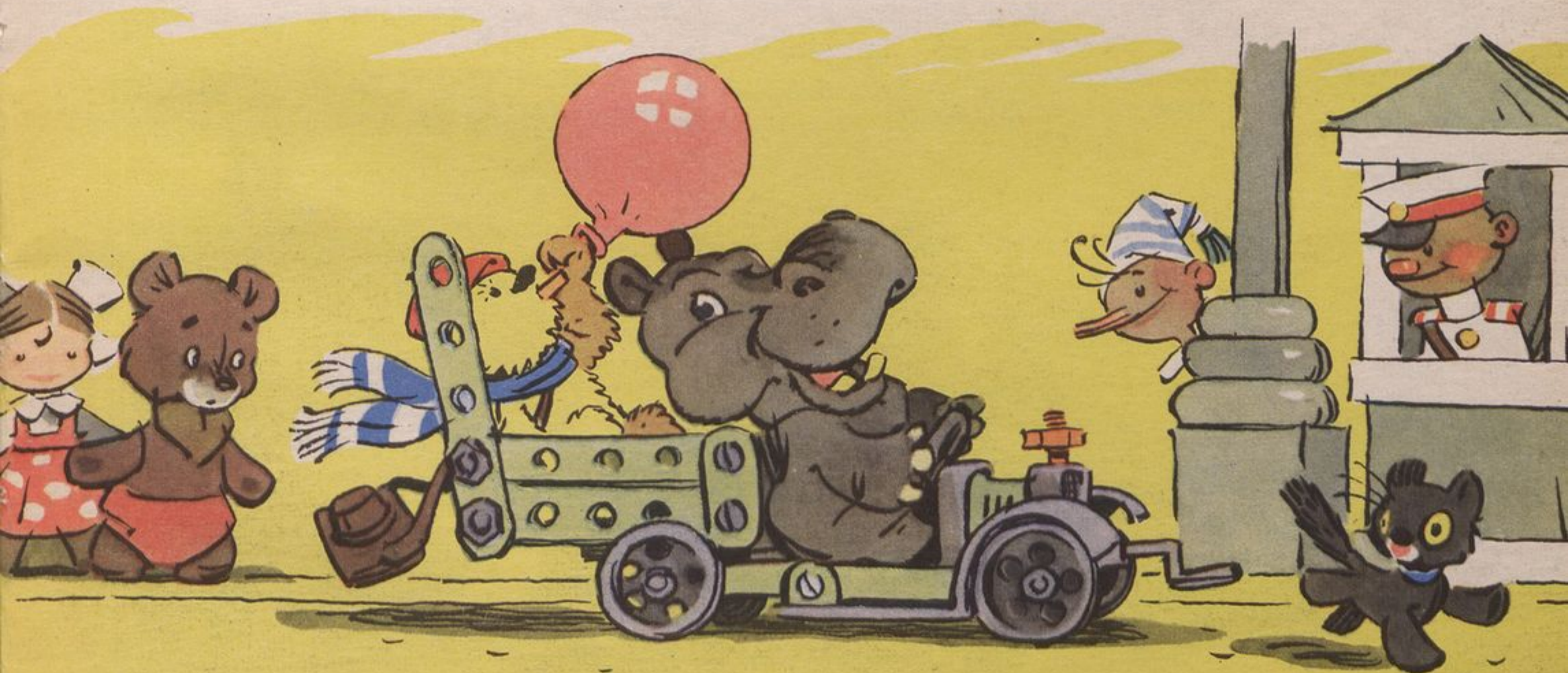
— Ничего не делаю, — ответила Таня, — только пол подмету, да половички вытрясу, да кур накормлю, да чашки вымою... А трудиться совсем и некогда. И салфетку я не вырезала и мешочек не сшила.

Учительница засмеялась и сказала:

— А как же тебе ещё надо трудиться? Может, комбайны водить или трактором управлять? Ты хорошо вчера день провела, как настоящий октябрёнок. Работу такую делала, какая нужнее всего была в семье, а это самое главное. Салфетку ты ещё успеешь вырезать и мешочек сошьёшь.

И потом сказала:

— Каждому работа даётся по его силам. Дай-ка я тебе приколю твою красную звёздочку. Ты имеешь полное право носить её!

Каждый прохожий
В городе знал
Каждой спешащей
Машины сигнал:

В колокол бьёт
По дороге пожарный,
Мчится с сиреной
«ЗИЛ» санитарный.

Нет у Мурзилки
Сирены, а все же
Слышит Мурзилку
Каждый прохожий.

Эй, что за зевака
Стоит впереди?
«Уйди! —
Раздаётся команда. —
Уйди!»

(Продолжение на стр. 9)

Юрий КОРИНЕЦ

Северный

Гаснут в небе звёзды-свечки,
Зажигается восток,
И оттуда, как из печки,
Катит Солнце-Колобок.

Поднимается всё выше —
По камням да по траве,
По коньку на острой крыше,
По небесной синеве.

Он запляшет на волне —
Вспыхнут камешки на дне.

Он сквозь чащу прoderётся —
Под сосной медведь проснётся,
Колобку подставит бок,
Чтоб погрел его чуток.

Колобок не даром светит —
Всё на свете он приметит:
Самолёт под облаками,
Белый парус над волнами,
Гусеницу на листке
И медузу на песке.

Вот блеснула в ярком свете
Чешуя рыбацкой сети.

Вышел на берег помор,
Встал у моря возле гор,
Загляделся на рассвет,
Колобку послал привет.

— Друг, — сказал он Колобку, —
Зиму спал ты на боку!

КОЛОБОК

Посвети теперь в избушке,
Чтобы прясть моей старушке.

Посвети на печке деду,
Чтоб с детьми вести беседу.

Посвети моей жене —
Вышивать на полотне.

Освети в тайге дорожку —
Ребятне собирать морошку.

Мне тихонько посвети,
Чтобы к зверю подойти.

Посвети мне ярко в сети —
Вынуть сёмгу на рассвете.

Посильней свети мне ты —
Чтоб по рекам гнать плоты.

Посвети мне что есть мочи,
Чтоб светлее были ночи,
Чтобы в полночь фонари
Побледнели от зари!

— Я, — ответил Колобок, —
Дело знаю назубок.

Зиму я поспать не прочь,
Потому что летом
Я сверкаю день и ночь
Незакатным светом.

В ЛЕС ПРИЛЕТЕЛИ, ЗАПЕЛИ МЕТЕЛИ

Е. ТРУТНЕВА

Рис. Е. КОРОТКОВОЙ

В лёд превратились
Осенние лужи.
Голым берёзкам
Дрожится от стужи.
Холодно зайцу,
Озябли тетёрки,
Ёж простудился —
Раскашлялся в норке.
Кто же от холода
Их защитит?
День всё короче,
А ветер сердит.

Но прилетели,
Запели метели:
«Вот вам, тетёрки,
Из снега постели!
Глубже ныряйте,
Не сыщет Мороз!
Мы и шубейки
Несём для берёз».
Гнутся под снегом
Берёзки в дугу.
Сосны стоят
По колено в снегу.
Ёжик согрелся
В заснеженной норке;
В снег зарываются
На ночь тетёрки.
В снежные искорки,
Как в самоцветы,
Ветки у сосен
И ёлок одеты.

Ребята таблетки
Глодают боля.
Им доктор не станет
Прописывать клея.

А вот для больного
Козла надувного
Никто не придумал
Лекарства иного.

Тут выбор огромен.
Что выбрать Мурзилке?
Вот в плитках — столярный,
Конторский — в бутылке.

И этот вот — в тубике —
Очень хорош:

Приклеишься — силою
Не отдерёшь.

Поёрзал Мурзилка:
«Попался, ей-ей!..»
И горько вздохнул:
«Замечательный клей!»

КУКЛА НА ГОРОШИНЕ

В. БОРОЗДИН

Рис. М. УСПЕНСКОЙ

Вам когда-нибудь приходилось слышать, что куклы растут в огороде, как огурцы или помидоры? Наверное, нет. А вот Лёля Барашкина не только слышала, но и видела. Да что там видела, именно на её грядке и выросла кукла.

Сейчас я расскажу, как это случилось.

На лето Лёлю привезли в деревню к бабушке. Когда бабушка стала сажать в огороде морковь, петрушку, лук — в общем всякую всячину, она и Лёле выделила грядку. Дала ей разных семян, чтобы она сама их посадила.

— Хоть ты и городская, — сказала бабушка, — а привыкай к деревенской работе. Пригодится.

А Лёля и рада. Ведь ей никогда ещё не приходилось сажать ничего «по-правдашнему».

Долгое время работа у неё не клеилась. Бороздки на грядке получались то очень мелкие, то слишком глубокие. А то вдруг выходили такие кривые, как дуга. Но потом она наловчилась

и все семена посадила ни глубоко, ни мелко — как полагается. И ровно, будто по линейке.

Но тут оказалось, что семян немного не хватило. Небольшая часть грядки осталась пустой, незасаженной. Лёля стала думать, что бы ещё посадить!

И вдруг она вспомнила про горошину. Про ту самую горошину, что соседский Вовка нашёл в куклиной голове. Вовка вечно ломал кукол и смотрел, что у них внутри. А тут был такой соб-

лази! В голове у Лёлиной куклы, когда её потрясёшь, что-то гремело. Не кукла, а погремушка!

Лёля очень любила свою куклу и оберегала её от Вовки. Но не уберегла. Вовка всё же подобрался, утащил куклу в сад и разломал. А потом пришёл к Лёле и показал горошину.

— Смотри, — сказал он, — в куклиной голове нашёл.

Лёля, как узнала, что кукла сломана, чуть было не расплакалась. А Вовка всё приставал:

— Да ты посмотри: горошина-то настоящая. Если её посадить, из неё, может, новая кукла вырастет.

— Не вырастет, — отвечала Лёля.

— Нет, вырастет, — настаивал Вовка. — Раз я её нашёл в куклиной голове, значит вырастет.

И Лёля больше не стала спорить. Ей уже и самой хотелось поверить, что из горошины вырастет новая, очень хорошая кукла.

Она взяла горошину и положила её в кармашек на самое дно, чтобы не выкатилась.

И вот когда понадобились семена, Лёля достала её. Горошина была какая-то чудная. Не круглая, как бывает горох, а немного приплюснутая. Цветом она была жёлтая, а одна сторона даже блестела.

Лёля решила: раз эта горошина не очень похожа на горошину — значит, она действительно необыкновенная. Значит, из неё, как сказал Вовка, вырастет кукла.

И Лёля посадила горошину на грядку рядом с морковкой. Потом каждый вечер стала поливать грядку.

Скоро семена взошли. Взошла и горошина. Лёля сразу её узнала — ведь горошина была посажена у самого края грядки, рядом с морковкой.

Лёля очень обрадовалась. Она то и дело звала бабушку, чтобы та посмотрела.

Машина по улице
Мчит напрямиком.
Она не цистерну
Везёт с молоком.

На тубике с клеем
Сидит провожатый,
И капает клей
На снежок на примятый.

Но потом пошли одни огорчения: на грядке стала расти сорная трава. И её пришлось полоть. Это очень неприятная работа. Но что поделаешь! Бабушка старенькая — и то полола. А у неё вон какие длинные грядки!

Но вот, наконец, пришло время, когда овощи стали поспевать.

Раньше всех выросли стрелки лука, потом редиска с морковкой. И Лёля каждый день бегала и дёргала всё это для еды.

А росток горошины всё рос и рос... Он давно уже перерос все овощи на огороде. Перерос и Лёлю.

«Сколько же он будет расти! — думала Лёля. — Так он и бабушку перерастёт».

И каждый раз, когда она прибежала на огород за морковкой или за репой, то смотрела на местечко, куда посадила горошину.

Но потом случилось как-то так, что Лёля очень долгое время не была на огороде. А когда она снова прибежала туда, то так и ахнула. На громадном стебле росла — что бы вы думали! — кукла! Да, да, аккуратно запелёнатая в листья, как в простынки, кукла! Лёля не верила своим глазам. Ну, конечно, вон там, где простынки немного разошлись, что-то желтеет. Должно быть, голова куклы.

Лёля хотела тут же сбегать за Вовкой, но потом передумала. Он и эту новую куклу разломает. И позвала бабушку.

— Смотри-ка, смотри-ка, — сказала она, — кукла!..

— Это, внученька, не кукла, это кукуруза. А то, что кукурузный початок похож на куколку, — это ты верно подметила. Ишь, как он ловко упакован! Нарочно так не завернёшь.

Бабушка срезала початок и дала Лёле.

— На-ка, возьми, это твоя кукурузная куколка. Хочешь — играй с ней, а захочешь съесть, я отварю.

Лёля стала играть. Ей очень нравилась её новая кукла, даже больше, чем купленная в магазине. Да это и понятно — ведь она сама её вырастила.

Грозят пешеходы
Мурзилке. Впервой
Случается им
Прилипнуть к мостовой.

(Продолжение на стр. 14)

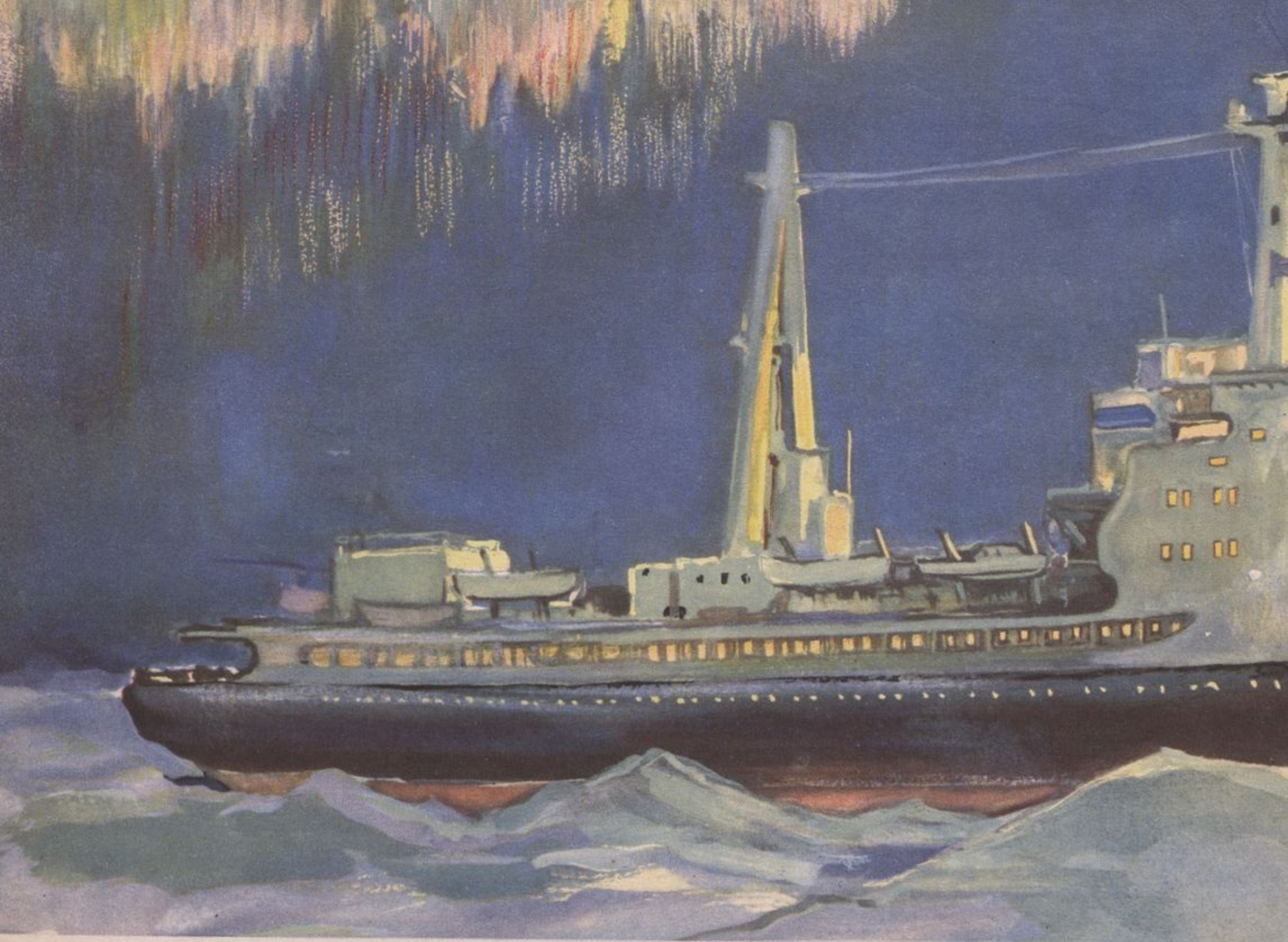

Рис. П. ПАВЛИНОВА

Если ты выйдешь из своего дома и пойдёшь прямо-прямо на север, то рано или поздно обязательно доберёшься до большущего океана.

У этого океана два имени. Первое имя — Северный. Почему — догадаться не трудно. Ведь севернее его уже ничего нет, и сам Северный полюс, где работают отважные советские зимовщики, находится в центре океана.

А второе имя — Ледовитый. Назвали его так потому, что почти весь океан покрыт льдом. Льда очень много, и он не успевает растаять

Шхуна «Св. Фока».

даже в самое жаркое лето.

Вот какое это необычное море. Исккупаться в нём и то нельзя. Куда ни помотришь — одни льды. А как же в таком море плавают моряки!

На обыкновенном пароходе по Северному Ледовитому океану не пройдёшь — вода подо

льдом спряталась. Лёд корабли не пускает. Когда славный русский мореплаватель Георгий Седов хотел на своей шхуне «Св. Фока» добраться до Северного полюса, льды со всех сторон обступили его судно, закрыли дорогу.

Пришлось ему продолжать путешествие пешком.

Чтобы совладать со льдами, стали строить особые пароходы — ледоколы. У ледоколов нос

Ледокол «Седов».

сделан из крепкой стали. Им он раскалывает льды, расчищает себе дорогу.

Первый русский ледокол называется «Ермак». Уже много лет борется он со льдами, состарился, а работы не бросает. За эти годы у «Ермака» — «дедушки

Ледокол «Малыгин».

русского полярного флота» — появилось много сыновей и внучат: мощных советских ледоколов.

Некоторые из этих ледоколов нарисованы здесь. Это «Красин», «Малыгин», «Седов», «Адмирал Макаров». А совсем недавно на воду был спущен самый сильный и неутомимый ледокол на свете — «Ленин».

«Ленин» не простой ледокол, а атомный. Что это значит!

Чтобы побороть льды, ледоколу надо много сил. Эти силы он берёт из топлива. У обыкновенных ледоколов топливом служит каменный уголь. Но каменного угля много на борт не возьмёшь — ведь нужно оставить место для груза. Поэтому ледоколам приходится часто заходить в порты—запасаться топливом.

А ледокол «Ленин» черпает свои силы не из каменного угля, а из атомной энергии, которую советские учёные сумели заставить служить человеку.

Машины, приводимые в движение атомной энергией, работают не уставая. Ледокол «Ленин» может целый год не заходить в порты. Сил у него хватит.

«Ленин» — самый большой ледокол в мире: в два раза больше любого из прежних ледоколов. Он весит много тысяч тонн, а когда всей своей тяжестью навалится на льдины, самые крепкие из них не выдержат — треснут. Он справится с такими льдами, перед которыми приходилось отступать другим ледоколам. Вот какой он сильный!

Скоро атомный ледокол «Ленин» отправится в свой первый рейс. И его победное шествие через льды позволит советским морякам окончательно покорить суровую природу Северного Ледовитого океана.

Ледокол «Ермак».

Ледокол «Красин».

«Адмирал Макаров».

ТРАКТОР

Взял одеяло
И стёганку как-то —
Ими укутал
От холода трактор.

ЯГНЁНОК

Папа вчера
Из колхоза ягнёнка
В рукавице принёс,
Как котёнка.
Мама-овечка его
Заболела.
Плачет ягнёночек,
Маленький, белый.
К мамке,
Наверное, он захотел,
Даже конфетку-ириску
Не съел.
Грустный лежит
У меня на колене,
Мягкий, пушистый.
Уснул еле-еле.
Сделал кроватку
Ему я
За печкой.
Буду кормить,
Пока станет
Овечкой.

Дверцы завесил я
Тёплым пальтишком.
Утром пощупал,
А он
Как ледышка.
Нынче узнал я
У дяди Федота,
Что согревается трактор
Работой.

Рис. Е. АСМАНОВА

Спешат постовые
На помощь прохожим:
— От нас ты уйти
Не сумеешь, положим!..

ГОГЛЁНОК, ИЛИ ТРИ МИРА

Вит. БИАНКИ

Рис Г. НИКОЛЬСКОГО

Глава первая

Как! Вы не помните, как родились на свет? Вот удивительно! Я так отлично помню!

Я открыл глаза и вижу: темно... И чувствую: сыровато.

Хотел вскочить — не пускает что-то сверху.

«Вот те раз! — думаю. — Стоило родиться в такой крошечный мир, где еле помещаешься, свернувшись калачиком».

Я рассердился — и тюк в стенку носом, тюк носом!

Стенка-то и проломилась. Сразу целый кусок обломился, и в угловатую дыру хлынул свет. Не яркий, не ослепительный — приятный для глаз свет. Я даже пискнул от радости: сам себе рассвет устроил!

Вдруг что-то надвинулось на меня. Я струсил — и нырк обратно в свой маленький, тесный мирок. Съёжился там, сжался весь, затих, будто меня и нет на свете.

И вдруг ко мне в дыру просунулся нос. Ну, просто восхитительный нос: большой, гладкий, с блестящей чёрной нащёпкой на кончике вроде ноготка. В общем такой же, как у меня, только куда больше.

— Мама! — запищал я со всей силы.

Сам не пойму, как это я так сразу узнал её! И так рванулся к ней, что стенки моего хрупкого мирка рухнули, и я поднялся во весь свой рост, со скорлупкой на голове, как в шапочке. Родился-то я, оказывается, в яйце. Мама моя, оказалось, — утка, а я — утёнок.

— Добро пожаловать! — крикнула мама; голос у неё хриплый. — Ты у меня первенец.

Мир, в котором я теперь очутился, был

тоже не очень-то велик и довольно темноват. Он был ограничен круглыми, уходящими вверх стенами, а землёй служила ему мягкая труха и целая куча перьев и пуха, в которой лежали ещё двенадцать точно таких же мелкозернистого серо-зелёного цвета яиц, как то, из которого только что вышел я.

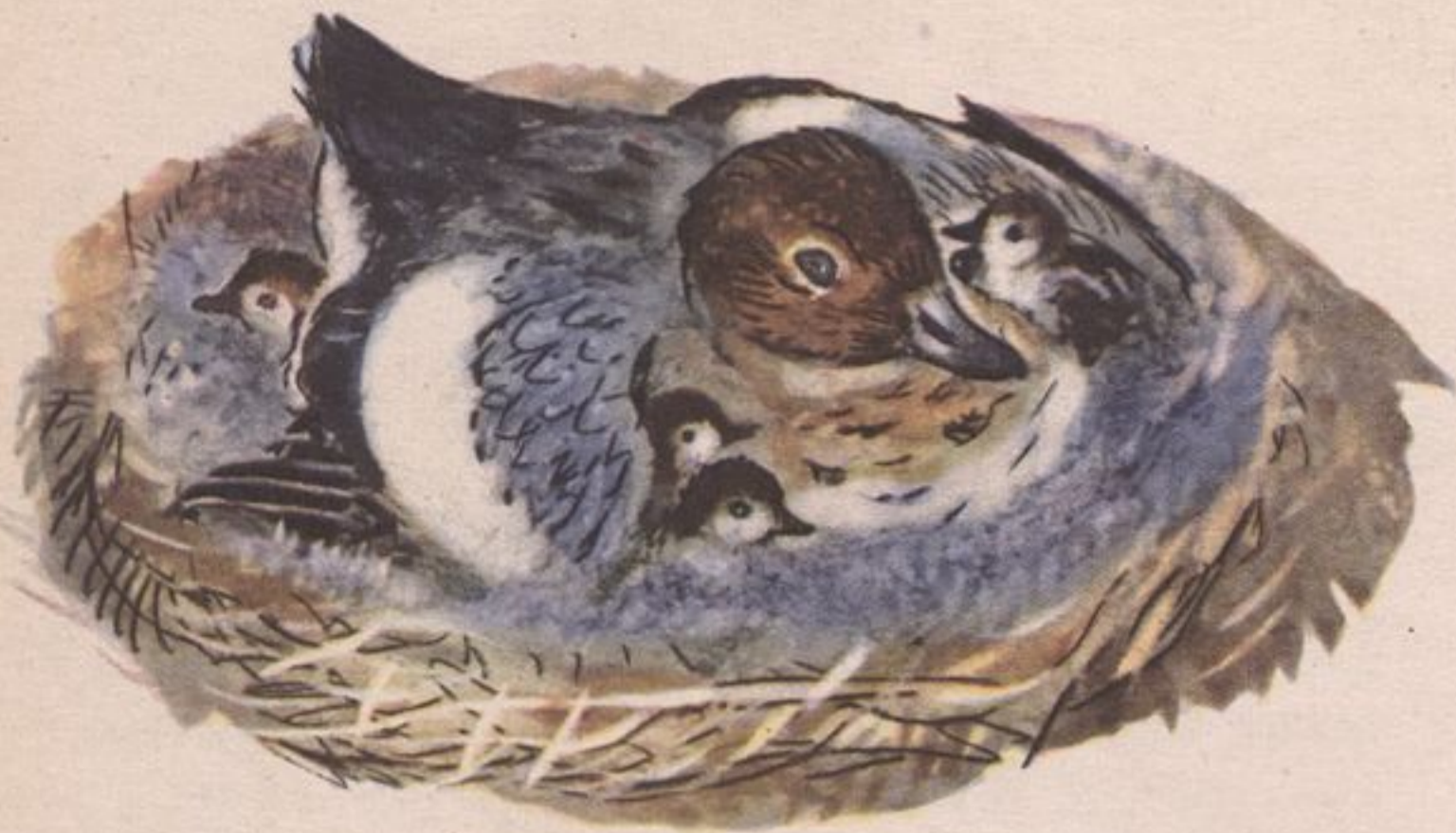
Мама принялась переворачивать их носом и приговаривать:

— Вот ещё один... погоди, погоди, сейчас я помогу тебе! Вот ещё... Здравствуйте!

Не прошло и часу, как выклюнулись на свет все мои братишки и сестрёнки. Когда мы, птенчики, сидим в яйце, у каждого из нас на носу — твёрдый бугорок; яйцевой зуб называется. Очень удобно рушить им скорлупку. Но как только мы вышли из яйца, мы его потеряли.

Маленький мир, в котором мы родились, стал теперь тесен для нас. Мы перешли в другой мир — тоже не очень просторный.

На это мама ничего мне не ответила. Мы все залезли маме под крылышки — и как только она сумела всех нас сразу обнять! — и принялись старательно обсыхать и смазывать пушок жирком. Удивительно, как у нас всё ловко устроено! На спине, над хвостиком, у нас, оказывается, такой мягкий бугорок: нажмёшь на него носом — выступит капелька жира для смазки перьев. Мама сказала, что перья смазывать жиром уткам необходимо, чтобы не намокать в этой таинственной воде, которую мы завтра увидим.

Это был наш дом, наше гнездо внутри дерева. В нём было темновато, от гнезда вверх уходили круглые стены, как в трубе, и где-то вверху было окошко, через которое лился солнечный свет.

Вдруг через окошко донеслись до нас человеческие голоса:

— Эй, Гриша, гляди-ка: тут в осине дупло!

— Верно, — подтвердил другой голос. — Из пустого дупла — либо сыч, либо сова, либо сам сатана. Жаль, высоко очень: метров двенадцать будет. Завтра прихватим с собой «когти», — посмотрим, кто там.

Мы, утята, хоть и не знали, что «когти» — это такие железки, надев на ноги которые люди влезают на столбы и стволы, но перетрусили отчаянно. Однако мама нас успокоила:

— Люди сказали: «Завтра». Полезайте ко мне под крылья, обсыхайте там и смажьте свой пушок жирком. А завтра чуть свет мы с вами переселимся в третий, очень просторный мир, где людям нас не поймать и где мы будем жить-поживать да жирка наживать на воде.

— А что такое вода? — спросил я.

— «Много будешь знать — скоро состаришься», — сказала мама-утка. — Тебе сейчас расти скорей надо, развиваться, а не стариться.

Я удивился:

— А как же я стану развиваться, если не буду узнавать, ума набираться?

Переночевали мы у мамы под крылышками, а чуть свет проснулись. Мама забралась вверх по дуплу. На миг в нашем мире стало темно-темно. И вдруг в окошко опять хлынул свет. Но мамы уже не было с нами.

И вдруг откуда-то издалека-далёка донёлся до нас её хриплый голос:

— Р-ребята! Ребятки!

Тут мы все запищали и бросились карабкаться на стенки, цеплялись за них коготками и упирались своими крошечными жёсткими хвостиками. Первым, конечно, взобрался на окошко я.

Ух, что я из него увидал!..

Зелень, зелень, зелень! Кругом зелень, и стволы деревьев среди неё. Я даже зажмурился — так ярко блестели листья на солнце! — но сейчас же раскрыл глаза и глянул вниз. Там, далеко-далеко внизу, стояла наша мама-уточка и звала:

— Сюда! Сюда!..

Но у нас не было ещё крыльев — только крошечные культяпочки. Мы же разобьёмся!..

А на окошко уже забрались ещё два моих братишки, и не успел я опомниться, как они толкнули меня вниз!..

Я пискнул от ужаса и кувырком, кувырком полетел в пропасть со страшной высоты...

(Продолжение следует)

**Известна рогатка
Любому мальчишке,
И девочки знают
О ней понаслышке.**

**Мурзилка (хоть он
И не слыл простаком)
Не слышал вовек
О снаряде таком.**

**Взлетел он, хватаясь
За воздух руками,
Как будто мальчишкою
Пущенный камень.**

**«С земли навсегда
Улететь? Неприятно!..
Но разве приятно
Падать обратно?!»**

НА ДВЕСТИ ПЯТОМ КИЛОМЕТРЕ

Михаил КОРШУНОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Раннее зимнее утро. Ещё темно, а в доме линейного мастера на автомобильной магистрали уже все поднялись: мать, отец и дочка Полинка. Мать затопила на кухне плиту, отец ушёл в сарай, а Полинка взяла пшеничных зёрен и по крутой деревянной лестнице вскарабкалась из коридора на чердак.

— Гули-гули! — зовёт она голубей.

Слышно, как зёрна, рассыпаясь, стучат по доскам чердака. За Полинкой пытается вскарабкаться по лестнице маленький чёрный кот.

— Я тебе!.. — грозит ему Полинка пальцем, снимает валенок и бросает в кота. — Уходи с глаз моих, чёрный разбойник! Опять за птицами охотишься!

Кот и валенок скатываются с лестницы на пол.

Покормив голубей, Полинка бежит к тазу с умывальником. Вода колодезная, ледяная. А Полинка не боится: она родилась

Смекалка всегда
Выручала Мурзилку.
Друзья на земле
Расстелили подстилку.

От гибели случай
Спасает порой.
На шаре воздушном
Спускался герой.

Здесь всё для врача
Непонятно и ново:
Мурзилка больного
Лечил надувного.

Наклеил заплату
(Рукой — не пинцетом!).
Козла подкачал он
Насосом при этом.

И доктор воскликнул:
— Сапожник! Врачом
Не стать вам нигде,
Никогда, нипочём!

Мурзилка ответил:
— При ряде болезней
Сапожник бывает
Гораздо полезней.

и выросла в снежных ярославских лесах. Кот спрятался под лестницу. В темноте он почти незаметен, только светятся полосатые глаза, будто ягоды крыжовника. В двери пролез петух. Кот при виде петуха закрыл от страха глаза и совсем растворился в темноте. Полинка и петуху сыплет пшеничные зёрна.

— Дочка, — говорит мать, — обмети снег с окон да отца позови. Завтрак я собрала.

Полинка набрасывает на плечи шубейку, хватает в сенях веник и выбегает во двор. Она проворно обметает веником стёкла, и свет из окон ложится на сугробы яркими жёлтыми пятнами. Полинка замечает следы грузовика. Опять кто-то ночевал, а она и не слышала. Ворота дома линейного мастера всегда открыты: заезжай, заходи любой путник. Хозяева дадут и умыться, и баню истопят, и расскажут о своём лесном крае. Недавно в буран ночевал огромный рейсовый автобус «Икарус», и тридцать гостей заполнили дом. Кого тут только не было: студенты, солдаты, рыбаки, охотники, лесники...

Полинка бежит в сарай. По пути она дёргает ветки ёлок, с которых обвалами рушится снег. Но Полинка успевает отскакивать от снега — она проворная.

— Папа! — вбегают Полинка в сарай. — Мама завтрак собрала!

В сарае хранятся лопаты, метёлки, деревянные трамбовки, мешки с каменной

пылью. Пыль — это от гололёда, чтобы посыпать дорогу. В ящике лежат запасные разноцветные стёклышки для дорожных знаков и указателей — катофоны.

Вскоре приходит отец. Приносит банки с красками и кисти.

— Ты чего? — спрашивает мать.

— Знак, что на крутом повороте, попортился. Краска отпала. От мороза, что ли. Надо подновить.

— И на переезде один катофон вывалился, — говорит Полинка. — Белый. Я возьму вставлю.

— Ты в школу не опоздай, катофон!.. — говорит отец.

Полинкина голова в синих искрах — это тают в волосах снежинки. На столе бьёт паром, звенит крышкой чайник. В противне зажаристая картошка. А посреди стола — горячий хлеб. Возьмёшь кусок — ладонь греет. Капнешь мёда, мёд растает и в мякиш утечёт. Ещё капнешь — опять утечёт. А потом куснёшь хлеб, а он весь мёдом пропитан, точно в рамке в улье стоял.

Под столом сидит котёнок, жмурит свои глаза-крыжовины и мурлычет. Он напился молока, ему тепло и сытно. Отец включил радио и слушает сводку погоды по области: не предвидятся ли бураны или оттепели? Бураны плохо для дороги, и оттепели тоже. Жди тогда гололёда.

После завтрака Полинка повязывает пуховый платок, надевает шубейку и бе-

Под ёлкой украшенной
В Новом году
Мурзилка играет
С козлом в чехарду.

Но мы не прощаемся
С нашим героем.
Журнал в феврале
Мы с тобою откроем —

И встретимся снова
С Мурзилкою.

Он
Всерьёз и надолго
В журнал приглашён.

рёт портфель. Пора в школу. А школа не близко. Три километра до неё.

Полинка забегаёт ещё в сарай, достаёт из ящика белое стёклышко и прячет его в карман.

Полинка идёт вдоль шоссе по тропинке. Хрустит снег. Неприметно гаснут к рассвету звёзды. На снег наплывают голубые прозрачные тени, тоже к рассвету. Луна опустилась. Её ободок касается леса, где ещё держится ночная темень. На дорогу выползают длинные огни фар. В такую рань это или грузовик, или автобус. Многие водители на магистрали знают Полинку с двести пятого километра. Они часто ездят и видят, как по утрам идёт она в школу. Водители останавливают машины, приглашают Полинку:

— Подсаживайся! Довезём!

Но Полинка не садится. Она ждёт, когда проедет на самосвале Антон Бусько — шофёр, который работает на строительстве молочного комбината. Он её верный друг, как и Спирька с железнодорожного переезда.

Познакомилась она с Антоном на дороге, и вот как это случилось...

У Антона лопнула рулевая тяга, и самосвал слетел в канаву. Полинка, как всегда, шла в школу. Увидела — машина в беде. Спросила:

— Может, чем помочь? Папу позвать?

Антон, усталый, перепачканный мазутом, взглянул на неё и сердито ответил:

— Шагай дальше, девочка. Нечего здесь вертеться, ну!..

Полина вспыхнула от обиды и ушла. Но из школы всё-таки позвонила по телефону

на комбинат. Потому что тут не до обид, когда самосвал с грузом ждут на строительстве, а с ним серьёзная авария.

Потом Антон узнал, что она дочь линейного мастера, Полинка с двести пятого километра. И что это она прислала ему аварийную машину. Однажды он догнал её на самосвале, когда Полинка шла в школу. Сесть в машину Полинка отказывалась: всё ещё сердилась на Антона. Но он попросту поднял её с дороги своими сильными руками вместе с портфелем и посадил рядом в кабину. Так и подружались маленькая Полинка и большой Антон. И с тех пор Полинка всегда поджидала Антона в дни его рейсов и ездила в школу только с ним.

Вот и сегодня был день рейса Антона. Полинка шла, вглядывалась — Антона не было. А водители на автобусах и грузовиках всё ехали, останавливались, приглашали:

— Подсаживайся!

Полинка отрицательно качала головой и шла дальше. Она ждала Антона.

На железнодорожном переезде светился у шлагбаума фонарь. Ветер надул на нём снежный козырёк. Светился огонь и в окне будки. Здесь жили дед Андрей и Спирька. Дед при шлагбауме дежурил, а Спирька — его внук. Полинка постучала в мёрзлое окошко. Керосиновую лампу пустили ярче, и в окошке показался Спирька. Кивнул головой: «Иду!» Полинка всегда заходит за Спирькой, а если едет с Антоном на самосвале, то обязательно заезжает. Полинка и Спирька — давние друзья. В будке глухо бухнула войлочная дверь, и на порог выбежал Спирька в рыжей беличьей шапке и в тулупе на крючках.

— Пошли, — сказал он.

— Постой, Спирька. Надо катюфон поставить.

— Колесо паровозу, что ли? Сейчас скамью и чурбачок вынесу.

И Спирька тут же вернулся со скамьёй и чурбачком.

Скамью приставили к металлической стойке, на которой сверху был укреплен знак — железнодорожный переезд. Треугольный, жёлтый, с чёрной каймой. Посредине нарисован паровоз. Вместо колёс круглые белые катюфоны. Где дым — тоже катюфоны, помельче только. Едет ночью машина, осветит фарами катюфоны, и они вспыхнут, засверкают, будто маленькие зеркала, — тише ход: железнодорожный переезд. На линии есть и другие знаки. Изогнутая стрелка обозначает крутой поворот. Восклицательный знак — внимание. Красный крест — скоро медпункт.

Полинка всё знает. Сама не раз вытирала их от грязи и подкрашивала.

Полинка влезла на скамью, вставила в пустое гнездо белое стёклышко и слегка пристукнула по нему чурбачком, чтобы стёклышко крепче в гнезде село. Спирька поглядел на знак и сказал:

— Красота!

Полинка спрыгнула со скамьи и тоже поглядела. Паровоз был теперь со всеми колёсами — три больших и два маленьких.

— А ты знаешь, Спирька, — вдруг сказала Полинка, — Антон не приехал. Может, опять авария случилась? Ночью снегопад был. Надо будет позвонить в гараж, узнать, что с ним.

— Надо, — ответил Спирька.

Он отнёс в будку скамью и чурбачок, и ребята заспешили в школу.

Уже светало.

Я УЖЕ БОЛЬШАЯ

Я выросла большая!
Кто скажет, что мала?
Я достаю до края
Огромного стола.

Могу я, как большие,
Работать за столом.
Карандаши цветные
Возьму я и альбом.

А кукол и посуду
Я спрячу под кровать.
И плакать я не буду —
Я буду рисовать!

Всё, что нужно,
Я отныне
Нарисую на картине.

Перевёл Ю. КОРИНЕЦ

МЫШКА И КОТ

На картинке страшный кот
Рядом с мышкою живёт.
Неужели мышка та
Станет пищей для кота?

Мышка будет спасена
С помощью резинки.
Будет мышка жить одна
На другой картинке.

Перевёл
В. БЕРЕСТОВ

ОДИНОКИЙ МЫШОНОК

Вот листок бумаги белой,
А на нём — мышонок смелый.
Хорошо сидеть ему
На бумаге одному!
Завладел моим листом,
Серый, с тоненьким хвостом,
Хитро щурится спросонок.
— Не шути со мной, мышонок!
Если влезешь в кладовую,
Кошку рядом нарисую!

Перевёл Ю. КОРИНЕЦ

ДВЕ КУКЛЫ

Я на тетрадной обложке
Нарисовала две матрёшки.

Потом решила одевать я
Их в одинаковые платья.

Одно я крашу в красный цвет,
А на другое — краски нет!

Надулась куколка плаксивая:
«Хочу такое же красивое!..»

Зачем же хныкать понапрасну?
Я карандаш достану красный!

Перевёл Я. АКИМ

САДИК

Рисую я зелёный сад;
В нём груши, яблони стоят.
Пусть будет и ограда
Вокруг такого сада.

А у ограды грозный пёс,
Чтоб в сад не влез мальчишка Сос.
Залает пёс и огрызнётся —
Сос убежит и не вернётся.

ДВА ЯБЛОКА

Нарисовала я в тетрадке
Два яблока, румяных, сладких.
Над яблоками — два листочка.
— Ты, мамочка, похвалишь дочку?
Я угощу тебя! Ты рада?
— Но раньше кашу скушать надо!

Перевела Нина НАЙДЁНОВА

Переводы с армянского

На обложке рисунок А. КАНЕВСКОГО

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор Ю. Молоканов

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Е. Голубкова

Год издания тридцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 27/XI 1958 г.

Бумага 60×92¹/₂ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8.

Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2430

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сушёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

